

Дорога Островец – Дебальцево

Девять месяцев прошло с той поры, когда моя семья вырвалась из обстреливаемого Дебальцева и приехала в Островецкий район.

Много воды утекло с тех пор, многое изменилось, но неизменным осталась желание хотя бы глазком увидеть свой израненный город, обнять мать, пройтись по знакомым с детства улицам. Больше года там идет война, и теперь Дебальцево часто сравнивают со Сталинградом времен Великой Отечественной.

Все эти месяцы душа болела за Донбасс, рвалась домой, поэтому, едва дождавшись отпуска, я рванул на родину. Безопаснее и быстрее, несмотря на большой крюк, было добираться через Россию. Заблаговременно купив билеты на поезд Калининград – Адлер, который делает остановку в Гудогае, ночью 7 сентября я занял свое место на верхней полке плацкартного вагона и через 38 часов высадился в Ростовской области. Мне повезло с попутчицей: она подсказала, как добраться быстрее и дешевле. Я с благодарностью воспользовался ее советом.

К таможене в Изварине мы доехали на такси, стали в очередь, которая двигалась не очень быстро, но и тут нам повезло – подъехал разваливающийся «ПАЗик», и водитель предложил за сто рублей довезти до Луганска. Минувя очередь, мы прошли таможенный контроль и проверку багажа. Правда, несколько раз приходилось выходить толкать автобус, который после каждой остановки упрямо не хотел заводиться.

Дороги на Донбассе сейчас оставляют желать лучшего. Асфальт во многих местах поврежден в результате обстрелов и того, что по нему двигалась тяжелая военная тех-

ника. У обочин стоит подбитая бронетехника ополченцев, погибших во время боев за Донбасс, усыпанная цветами.

В Луганске на автовокзале я был в 16.30, но в сторону Дебальцева транспорта уже не было. Мне подсказали, что с другой автостанции еще будет отправляться последний автобус до Перевальска. Таксисты заломили до Дебальцева неподъемную для меня сумму, добавив, что иначе как на такси на перевальский автобус я не успею. Пришлось проститься еще с двумя сотнями и, приехав на автостанцию узнать, что мой автобус отправляется через час и я спокойно доехал бы маршруткой за пятерку.

В Перевальске меня встречал сват, который на днях вернулся в Чернухино из Беларуси. Его сгоревший дом теперь будет отстраивать государство.

Темнеет на Донбассе намного раньше, чем в Островце, и к дому я подъехал, когда было уже темно. Но даже в сумерках я рассмотрел сгоревшие до основания дома моего поселка. По центральной улице бежала вода из разбитого во многих местах водопровода. Увидев меня, соседка тетка Эмма побежала стучать в ворота матери:

– Неля, выходи, сын приехал!

Мама

Я не был уверен в том, что смогу добраться по военным дорогам Донбасса до начала комендантского часа до дома, поэтому, чтобы мама не переживала, преднамеренно назвал ей датой моего приезда следующий день.

...Были объятия и слезы, и много слов, которые нужно было сказать друг другу...

Когда мы общались по телефону, мама берега мое сердце и всегда говорила, что у нее все хорошо. На самом деле хорошего было мало...

После нашего отъезда в ее доме четыре раза вылетали все окна и двери. Однажды ночью в дом залетел снаряд, и мама чудом успела заскочить в ванную комнату, а снаряд вылетел во двор через окно и там разорвался... В ту ночь она попросилась на ночлег к соседям.

Потом, когда многие дома были разрушены, соседи-пенсионеры жили у нас. В погребе намостили стеллажи и там спали. Окна забили клеенкой, которая не сильно держала тепло, к тому же печку топить было опасно, потому что по дымам стреляли... Иногда мама все равно протапливала печь, чтобы после холодного погреба можно было хоть немного погреться.

Однажды в феврале к маме прибежала женщина с 14-летним сыном, живущая на соседней улице. Несмотря на февральский мороз, она была одета в халат и комнатные тапочки.

– Тетя Неля, можно мы у вас поживем?

Оказывается, снарядом в их доме вывалило стену, Наталью (так зовут эту женщину) привалило шифоньером и ранило осколком. Муж кое-как вытащил супругу, сам остался заделывать брешь в стене, а она с сыном прибежала к моей маме. Из медикаментов у матери были только йод и бинты... Как смогла, она обработала рану.

Хлеба не было давно, выручал мешок муки, купленный до войны, пекли пышки на воде. Света и воды в водопроводе не было несколько месяцев. Благо, что на улице были колодцы. Обстрелы не прекращались, и с ведрами на тачке, пригибаясь и присаживаясь во время разрывов, люди добывали живительную влагу, топили снег. Но иногда вода стоила жизни...

Соседка с Ворошиловградской улицы, у которой убило зятя, сошла с ума...

После очередного вылета окон мама забивала их пленкой. Поставив стул на стол, она забралась наверх и поскользнулась, упала и

получила сотрясение мозга. Еле вползла в дом и три дня лежала в холоде без воды и еды. Потом кое-как дошла до дома соседки, чтобы та пришла печь протопить и хотя бы воды принесла...

– Я всех привечала, всем помогала, чем могла, поэтому, наверное, Господь и сберег, – сказала мне мама.

В доме и во дворе у мамы идеальный порядок. Брат смог передать ей денег, окна вставили и застеклили, а крышу перекрыли заново.

Образование и культура

«Цыганская почта» уже сообщила о том, что Морозов в Дебальцево, и на меня посыпались звонки с просьбами выступить в библиотеке, в школах, на концерте ко Дню города и Дню освобождения Донбасса. К сожалению, я не смог побывать везде, пришлось извиняться и отказывать. Но кое-что я успел. Прежде всего мне хотелось собрать наших литераторов и провести заседание литобъединения. Приехали авторы не только из Дебальцево, но и из Енакиева, Фащевки, Волчановки Комендантского. Помянули Лилию Цинкевич, Андрея Ширяева и всех общих знакомых писателей, которые ушли из жизни в этом году. Каждому из приехавших было о чем рассказать, и наши посиделки растянулись на 4 часа.

Мне хотелось взять интервью у мэра города, но в первый день он был в Донецке, на второй у него засады военные, и, естественно, туда никого не пускали. А когда военные закончили совещание, приехали министры из Донецка...

На следующий день в библиотеке в рамках мероприятий ко Дню освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков проходила музыкально-литературная гостиная. Перед жителями города выступали поэты из Дебальцево и Фащевки, а преподаватели школы искусств подготовили несколько музыкальных номеров.

Прошедший год навсегда изменил нас... Мы научились любить каждый прожитый день, радоваться яркому солнцу и ценить все, что у нас есть. Война внесла коррективы в жизнь каждого дебальчанина. Говорят, что когда грохочут пушки – Музы молчат. Но наши поэты доказали обратное. Во время войны их голос звучит еще громче и проникновеннее.

...Мне приходилось выступать перед самыми разными аудиториями, а здесь гляжу на дебальчан, переживших все ужасы войны, хочу сказать о своей любви к городу, а в горле ком... Еле смог собраться и выступить...

Потом провел два урока мужества в старших классах 6-й школы. Несмотря на то что школа сильно пострадала, в одном крыле проходят занятия. Когда я приехал, перед ней кляли асфальт. Разрушенные стены уже выстроили заново, рядом лежали плиты перекрытия.

Рассказы дебальчан

В Дебальцево у меня было много друзей. Сегодня жизнь разбросала нас по разным городам и странам. У Влада – предпринимателя из нашего города – был магазин компьютеров и комплектующих. Во время войны он вывез семью в Киев, а сам наезжал в Дебальцево, чтобы распродать оставшийся в магазине товар.

История 1

– Я так ждал встречи с тобой, Саня, – признался он мне, – потому что только ты сможешь донести то, что здесь происходит, до людей.

Когда после Нового года город сильно обстреливали, очень многие уехали жить в Светлодарск, а на работу ездили в Дебальцево. Когда начался штурм Дебальцево ополчением, ко мне в Светлодарск приехал К., у которого было похоронное бюро. Весь белый, руки трясутся, еле водкой отпоили, немного пришел в себя.

Говорит, повезли бабушку хоронить, приехал с копачами на кладбище, впереди машины мина разрывается. Включили задний ход, сзади еще одна ложится. Еле вырвались. Только он рассказал, начали обстреливать Светлодарск – нужно срочно эвакуироваться. Я спрашиваю, сможешь нас забрать?

– Смогу, – говорит, – только с бабушкой ехать придется. Если что, говорите, что вы ее родственники.

– А нам хоть с кем, лишь бы выбраться.

Едем, рядом бабушка в простыни заматанная. Запах стоит – хоть вешайся. Зато на блокпостах нигде не задерживались.

– Что везете?

– Груз 200.

Так до Артемовска и добрались...

История 2

Другой знакомый вернулся в свой дом после того, как из него выбили украинскую армию. Заходит в дом, везде бардак, вещи разбросаны, на полу несколько гранат валяется. Он пошел в комендатуру, чтоб военные их забрали. Пришли ДНРовские саперы, и какое-то чутье привело их к шифоньеру – там одна дверца была приоткрыта, а на второй стояла растяжка с гранатой. Это чудо, что хозяин не заглянул в шифоньер.

История 3

Учительница из 6-й школы, которая живет в моем поселке на соседней улице, рассказывала о том, как брали поселок. За несколько дней до этого разведгруппа ополчения пробралась на Октябрьский. Они постучали в окно к этой женщине и попросились погреться и отдохнуть. Несколько человек спустились в погреб, один остался у дверей. В доме, кроме хозяйки, была ее лежачая мама. Женщина заварила чай, принесла картошки, рассказала, где размещаются огневые точки противника. Через время ребята вернулись. У одного из них было противотанковое ружье. Из него

он и подбил украинский танк с надписью «Студент», который ездил по поселку и расстреливал оставшиеся дома. Потом этот танк еще долго стоял на обочине, напоминая об ужасах тех дней.

– Всё, мать, – сказал старший группы, – идем брать блокпост.

Не прошло и 45 минут, как он был взят.

«Урок не успел бы закончиться за это время», – подумала учительница.

Город сегодня

Утром следующего дня мы с мамой пошли на кладбище. Шли по нашей улице, которая, как и весь поселок, представляют собой очень страшное зрелище. До войны в поселке жило более 2 000 человек, сейчас – человек 200... Нет ни одного целого дома. Приближается зима, и люди, кто как и чем может, стараются подлатать разрушенные жилища. Обещали помочь с шифером и стеклом, но пока даже здание исполкома не остеклено, и его аппарат ютится в здании дебальцевского отделения железной дороги. На нашей улице из 55 домов осталось лишь 17. В этих домах сейчас живут люди, пытающиеся как-то их восстановить – остальных просто нет...

Из трех магазинов в поселке остался один. Почтовое отделение закрыто. Транспортной связи – никакой... Пригородные и пассажирские поезда не ходят. Маршрутка тоже. Нет солярки... Иногда протарахтит поезд с углем в Россию – и тишина. Крупнейшая сортировочная станция как будто замерла в летаргическом сне... По городу ходят лишь два маршрута общественного транспорта, но курсируют они только до двух часов дня. С 21.00 до 5 утра – комендантский час, во время которого любые перемещения запрещены.

Памятники родственников оказались целыми, только столбики оградки возле могилы отца были посечены осколками и на столике у могилки лежала неразорвавшаяся «градина».

С кладбища шли домой по соседней улице – там картина ничем не лучше. Люди встречаются редко...

От дома, в котором я до сих пор пропал, мало чего осталось... Одной стены нет, по оставшимся пошли трещины, окна-двери вынесены, в кухне ласточка свила гнездо. Труба скособочилась, крыша осталась местами... Каминный зал разбит полностью. Металлические ворота – в сквозных дырах, забор посечен осколками. Бассейн, правда уцелел, но возле него в огороде воронка глубиной в 2 метра и диаметром в 4...

Чтобы купить продукты, я отправился в город. Маршрутка не пришла, пришлось топать 6 км пешком. За это время меня обогнали всего два велосипедиста и одна машина.

На Восьмерке, которой досталось не меньше Октябрьского, семизэтажное здание сортировочной станции выгорело полностью. Перед отступлением украинские войска расстреляли его в упор. 7-я школа, построенная еще до революции, закрыта, у памятника воинам Великой Отечественной стоит БМП (боевая машина пехоты). В бытовом корпусе на Фестивальном – пробоины в стенах. Трубы отопления, идущие по улице, перебиты, системы отопления в домах разморожены – отопительный сезон в этом году не начнется...

В стороне остается Волчановка. Ночью оттуда была слышна стрельба. Украинская диверсионно-разведывательная группа, которая пыталась проникнуть в город, подорвалась на растяжках.

В самом городе людей мало, но каждый встречный хочет рассказать мне о том, что ему пришлось пережить, поэтому быстро перемещаться не получается.

Центральный рынок, сожженный еще в июле прошлого года, так и стоит обугленный. По его периферии идет небожая торговля. Два килограмма мяса и чуть больше килограмма сала обошлись мне в тысячу российских рублей. Пенсии сейчас там – 2–4 тысячи, зарплаты 3 – 6 тысяч. Живи, как хочешь.

Заведующая городского отдела культуры, увидев меня, стала расспрашивать: что, где, как, не собираюсь ли возвращаться? Даже предложила мне вести литературный кружок в Доме творчества. Правда, зарплата у руководителя кружка 3 000 российских, это чуть

меньше 800 000 белорусских рублей. Как на нее проживешь. Цены в городе московские, а зарплаты – дебальцевские.

Из города приехал маршруткой на Первую, зашел в тещину квартиру. Свет почему-то выключили, а так как выбитые окна были заколочены досками, рассмотреть толком я ничего не смог. При свете свечи разглядел только порванные батареи. Как люди будут зимовать? Снова ставить буржуйки...

Между Первой и Второй – на трассе – таможня! Между ДНР и ЛНР! На территории

одного города! Вместо того, чтобы объединяться, они таможни ставят!.. И я, проезжая из одного микрорайона города в другой, должен был показывать прописку, отвечать, куда и с какой целью еду и что везу.

12 сентября я уезжал из Дебальцева, уезжал с тяжелым сердцем, с болью в душе...

Мы с делегацией писателей Донбасса отправлялись в Москву, где нам предстояло презентовать книгу «Строки мужества и боли». Но это уже совсем другая история.

Люди! Берегите мир! И никогда не допустите у себя того, что случилось на Донбассе!